

УДК 316.1

О ФУНКЦИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

© 2012 г.

И.А. Григорьева

Санкт-Петербургский госуниверситет

Soc28@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.06.12

Социальная работа в России существует уже двадцать лет, и число ее клиентов постоянно увеличивается. Службы, поддерживающие социально слабые группы населения, нужны, однако западный опыт и теоретические подходы в российских условиях зачастую неадекватны. Социальная работа более функциональна на уровне индивида-клиента, чем на уровне общества и основных социальных взаимодействий.

Ключевые слова: теория социальной работы, социализация, клиент, взаимодействия человека и государства, культурная травма.

Попытки теоретического осмысления социальной работы продолжаются уже более ста лет. Они начинались в США и Западной Европе с адаптации к целям социальной работы существующих в то время психологических, теологических и политических подходов, акцентирующих важность учета личностных, религиозных, культурных или общественных аспектов взаимодействия человека и общества (более узко, человека и социальной среды) и соответствующих методов работы. Если в социальной работе преобладала опора на психологию, то в социальной политике – на экономику. Более-менее согласованное представление о том, что проблематика этих взаимосвязанных, но не сводящихся друг к другу областей знания в теоретическом плане относится к тем или иным аспектам взаимодействия человека и общества, сложилось давно. Но этот же предмет характерен для разных наук, как естественных, так гуманитарных и социальных. Естественно, что «языки» теоретизации менялись в зависимости от преобладавших в какие-то периоды гуманитарно-социальных или естественнонаучных подходов.

Согласно привычной классификации В. Виндельбанда, науки делятся на два типа: номотетические и идеографические. Первый тип направлен на выявление общих закономерностей, второй – уникальных особенностей. С этой точки зрения теоретическая социология является по преимуществу номотетической, так как занимается законами общества. А теория социальной работы по преимуществу идеографическая, поскольку в значительной степени сконцентриро-

вана на уникальных особенностях как социальных групп, так и отдельных людей, во всяком случае, при клиенториентированном подходе. Однако современная социология отказывается от «гранд нарратива» в пользу изучения повседневности и ее уникальных событий. Это подчеркивает всю относительность предложенного Виндельбандом деления, ведь «до середины XIX в. никто не считал, что существуют два способа познания вещей (*knowing things*). Знали только один способ, о котором писал ещё Аристотель. Греческий философ стоял у истоков различных сфер знания, которые мы сегодня называем предметными областями (*fields*). В его время была единая наука, которая включала экономику, социологию, биологию, политические науки — все эти названия возникли позднее. Сам Аристотель не был ни физиком, ни социологом, ни ещё кем-то. Он был просто учёным. Точно так же Огюст Конт создавал курсы, именующиеся теперь историей поэзии, международных отношений, философии» [1].

Однако современное знание приобрело подчеркнуто отраслевой характер, оно разделено на множество специальностей и специализаций, поскольку не только производится учеными, но и воспроизводится системой образования. В рамках развития системы образования и произошла та чрезмерная «сколяризация» (*high schoolization*), которая приводит теперь к необходимости теоретизировать социальную работу, отделив ее от социологии, психологии, педагогики, гигиены, истории нравов и др. Конечно, в теоретизации социальной работы должна преобладать социология, которая

в момент своего возникновения также ставила задачи улучшения общества, а не только его изучения. Ведь вера в возможность улучшения общества служила краеугольным камнем эпохи модернити. Сейчас же наблюдается как «кризис общих подходов», так и «открещивание» социологии от практически ориентированных задач. И если в англоязычных текстах можно встретить понимание социальной работы как практической социологии, то в России такой подход вряд ли встретит одобрение. Социологи оставляют регулирование развития общественной жизни и формальные показатели развития человека, такие как индекс развития человеческого потенциала, социальной политике, а проблемы адаптации человека и малых групп – социальной работе.

Системный подход или все же нет?

Сегодня, когда социальная работа рассматривается как важнейший, уже прошедший легитимацию и сложившийся социальный институт, нелишне напомнить, что этот институт функционирует под влиянием, а часто и давлением государства. Изучавшие функции власти французские социологи отмечают, что «государство способствует и не только через порождаемый им спрос, структурированию концептов, проблем и представлений, возникающих в голове у исследователей, подчиняя их своим собственным целям и действиям. Интеллектуалы, предрасположенные думать с помощью государства и для государства, изучают объекты, заранее сконструированные государственным здравым смыслом. Однако не стоит отчаиваться из-за ограниченной самостоятельности, которой располагают социальные науки. Надо быть бдительными и находить средства, позволяющие понять разного рода принуждения, действующие на эти науки» [2, с. 100, 107].

Убедительно понять эти принуждения помогает теория «двойной реальности» Н. Лумана [3, с.15]. Луман анализирует, как в современном обществе средства массовой информации становятся посредником между объективной реальностью и человеческим сознанием, которое воспринимает окружающую действительность. При этом формируются как бы «две реальности», первая есть реальность, воспринимаемая конкретным субъектом и передаваемая по каналам информации, вторая — реальность, воспринимаемая потребителями информации. Успехи и неудачи в конкурентной борьбе между социальными проблемами не обязательно связаны напрямую с числом людей, которых затрагивает данная проблема, уровнем риска и т. д. Если

ситуация начинает определяться в СМИ как социальная проблема, это не обязательно означает, что ухудшились объективные условия. Исчезновение же проблемы из информационного пространства и сферы общественного внимания может не означать улучшение положения. «Судьба... проблем определяется не только их объективным характером, но и процессом жесткого отбора, в ходе которого они конкурируют друг с другом за общественное внимание и социальные ресурсы» [4, с. 23].

Высокопрофессиональный анализ сложившегося в теории социальной работы предметного поля содержится в работе М. Пейна [5]. В ней много сведений о разных теориях, но довольно трудно говорить об их теоретической интеграции. Понятие парадигмы используется в менее общем смысле, чем это делает Т. Кун, поэтому Пейн говорит о полипарадигмальности социальной работы. Он выделяет множество социологических парадигм, хотя сами социологи чаще всего говорят о классической и неклассической социологии. Полипарадигмальность в теории социальной работы влияет на технологии оказания помощи представителям разных социальных групп. Нам же кажется, что в данном случае говорить следует скорее о социологических школах или направлениях и в целом о междисциплинарности социальной работы.

Использование системного подхода в социальных науках восходит к организационной теории А.А. Богданова и теории систем Л. Фон Берталанфи. В первоначальном варианте эти теории были разработаны на биологическом материале и показывали, что все организмы являются системами, состоящими из подсистем, при этом входящими в сверхсистемы. Этот теоретический подход в обобщенном виде стал широко применяться для анализа социальных систем, включающих социальные группы и общественные институты, семьи, малые сообщества, трудовые коллективы, вплоть до социального государства. Он акцентирует необходимость активизации самозащитных потенциалов человека как саморегулирующейся системы и рассматривает людей как системно организованных субъектов жизнедеятельности, которые постоянно приспосабливаются (адаптируются) к многообразию условий бытия, также постоянно приспосабливая (адаптируя) эти условия к себе. Поэтому моделей адаптации может быть несколько, их варианты предложил Р. Мертон, и люди рассматриваются в их непрерывном взаимодействии со средой.

Считается, что человек может развиваться там, где его в этом поддерживает среда, окру-

жение, но также и там, где он может менять среду, то есть где существует взаимная адаптация. Подчеркнем, не адаптация человека к среде, а взаимная адаптация, где человек проявляет себя как существо адаптивно-адаптирующее. Навыки взаимодействия играют важнейшую роль в социальной адаптации/реадаптации человека, поскольку социальные проблемы в данном контексте выглядят как индикаторы нарушения адаптации. Однако существует тенденция и в социологии, и тем более в социальной работе рассматривать социальную среду как нечто внешнее, а если речь идет о России, то и враждебное человеку. Но с системной точки зрения, «мир – не что-то чуждое нам, вне нас лежащее, он – наша собственная периферия, он – совокупность наших житейских возможностей» [6, с. 131].

При этом люди создают и осознают свою среду, поддерживая определенные институты, и самыми приспособленными членами общества зачастую являются самые конформные. Однако это возможно, только если среда меняется очень медленно. Как только в силу каких-то причин среда начинает обновляться, самые приспособленные могут оказаться в наиболее невыгодном положении. Всегда существует определенная «зависимость от пройденного пути», которая означает, что новые формы организации жизни нельзя осуществить произвольно. Мы «заперты» в паттернах взаимодействия и институтах, менять которые можно только до известной степени и не мгновенно. Но рассчитывать на «институциональную устойчивость» в современном обществе, тем более претерпевшем две революции за XX столетие, просто невозможно. И если у каждого человека нет хотя бы небольших собственных ресурсов самоорганизации, то никакая социальная работа не сможет быть продуктивной, а социальные проблемы будут увеличиваться.

Учитывая, что общественное равновесие носит подвижный, развивающийся характер, можно классифицировать социальные проблемы исходя из того, каковы степень и время (период) нарушения равновесия, а также ресурсы, необходимые для его восстановления. Отметим, что социальный характер теории связан с акцентом на требованиях общества к социальности индивида в отличие, например, от психологии, изучающей процессы индивидуализации. Поэтому для наших задач большой интерес представляют различные варианты теоретического осмысления процессов социализации и использования их научного багажа. Так, немецкий исследователь Л. Ресснер еще в начале

1970-х годов отмечал, что теория социальной работы – это субтеория науки о социализации, которая, в свою очередь, выступает как субтеория социологии [7].

Но подобный акцент на процессе и проблемах социализации говорит лишь о том, что социология традиционно является социоцентричной. Однако современное общество стало во многих отношениях очень сложным. В первую очередь подчеркнем, что это более атомизированное, более индивидуализированное общество, чем прежде, что отражают некоторые, уже классические социологические работы. Поэтому отношение к теории социальной работы как деривату частных социологических теорий может быть поставлено под вопрос. Как актуальная социологическая теория социальная работа еще не обросла солидным списком классиков, признанных авторитетов и канонических текстов. Однако границы проницаемы, о чем свидетельствует, например, блестящая статья Н. Лумана «О формах помощи» [8] и многие работы Ю. Хабермаса [9].

В современной, антропоцентрической социологии рефлексия таких тем, как риски модернизации общества и обновления «жизненного сценария» или «сценария жизненного пути индивида», занимают куда большее место, чем прежде. Получается, что социальная работа, накопившая значительный материал о разнообразии таких рисков и разнообразии маргинальных ситуаций, в которые человек может попасть, подхваченный потоком трансформаций общества, получает заметную фору перед социологией, которая традиционно была занята «компактным большинством» или «социальными нормами». Во всяком случае, тот факт, что социологи в последние годы пытаются не употреблять понятие «девиация» и развивать толерантный к социальной ненормативности язык, является определенным индикатором смены направления интереса в социологии. А развитие социальной работы дает множество примеров того, что неэффективные социальные единицы могут выиграть в конкуренции за выживание, поскольку тратят минимум ресурсов на него и успешно привлекают институциональные ресурсы. О рациональности пассивной адаптации людей, живущих в социально-депрессивной среде мелких населенных пунктов, уже указывается в литературе. Менять свою ситуацию они не хотят, поскольку там, где нет работы, есть жилье. А квартирный вопрос, как известно, нас всех испортил. В настоящее время привязанность к квартире и регистрации сформировала у населения в России нечто вроде нового

крепостного права и реально не дает развиваться трудовой мобильности, в которой нуждается экономика. Но при этом есть многочисленные социальные службы, в которых можно получить материальную помощь, талоны на еду или на какие-нибудь услуги и, в конце концов, денежное пособие.

Становится также очевидным, что трансформационные процессы в России идут каким-то особым, отличным от Запада, образом, но менее очевидно, какие социальные группы, слои или классы, которыми оперируют социологи и социальные работники, реально складываются. Нам кажется, что подобно тому, как определенная группа людей была «назначена» государством быть богатыми, так, благодаря той же операции номинации, законодательство середины 1990-х назначило быть бедными довольно широкие слои населения. Эта номинальная социальная группа, находящаяся в «трудной жизненной ситуации», в реальности чрезвычайно разнородна и никоим образом не есть «социальная целостность, характеризующая общность условий существования, причинно-взаимозависимыми сходными формами деятельности в разных сферах жизни, а также общими социальными нормами и ценностями, стилем жизни», что могло бы подтвердить ее устойчивость и в итоге реальность в качестве социальной группы [10].

Напротив, получатели социальных услуг и пособий в России – довольно разнородная группа (здесь можно встретить людей с высшим образованием или вовсе без него, работающих и безработных, одиноких матерей и членов многодетных семей и т. д.). Полевые исследователи отмечают, что их объединяет очень важное свойство: они обладают социальными компетенциями, способны оформить те или иные документы (отметим, оформление документов на получение помощи от государства – достаточно долгосрочная процедура, требующая определенных знаний и навыков). Также отмечено, что поиск респондентов через службы социальной защиты не является универсальным способом выделения «чистого случая», однако получение «категории», «группы инвалидности» и их желательного следствия – каких-либо льгот является хорошим индикатором «социальной успешности» человека.

Наличие социальных компетенций «в теории» предполагает, что они должны помочь своему носителю выйти из ситуации бедности, но реальная ситуация менее однозначная, компетенции способствуют и надолго стать получателем государственной социальной помощи.

При этом нужно также продемонстрировать не слишком обустроенное жилье и наличие других проблем, например, болезней. А накопительные счета в банках в России не проверяются, для этого нет законных оснований. К тому же данные статистики, получаемой из органов социальной защиты, которые помогают оформить пособие государственной социальной помощи (малообеспеченным), используются, укрупняются, обобщаются и на их основе делаются выводы о наличии неумещающегося количества бедных. Но причины бедности, её глубина, потенциальная возможность выхода из ситуации бедности не оцениваются. Более того, и у клиентов, и у социальной службы нет мотивации в локализации или определении срока решения проблем, как принято на Западе. Там «на протяжении длительного времени социальная работа была способом социального контроля, наиболее эффективной методикой разрешения социальных проблем на микроуровне. В целом она была весьма рационалистичной, нормативной и направленной на одобрение скорее государством и налогоплательщиками, чем получателями помощи. Но в настоящее время и в России, и на Западе трудоустройство и занятость как средство решения жизненных проблем становятся все менее выраженными. Возникают новые социальные группы длительно не работающих и не готовых работать, возможно, никогда», – отмечает И.Л. Сизова [11].

Увеличение числа клиентов социальных служб и служб занятости, длительно пользующихся помощью этих служб, не снижающееся число бедных в России снова заставляют спрашивать, в чем же успех десятилетия стабилизации в России? На наш взгляд, два варианта ответа могут выглядеть рационально. Или социальные службы работают дисфункционально по отношению к развитию общества, или сама модель социально-экономического развития общества декларативна и далеко не так стабильна, как провозглашается.

Клиент: объект или субъект?

В последние годы также ведется активная методологическая дискуссия о том, насколько исследователь со своими установками, методами и инструментами влияет на изучаемый объект, то есть насколько объект остается независимым от познающего субъекта. Противостояние и сосуществование позитивистского и социогуманитарного подходов в социальном мышлении в последние 100–150 лет проявлялось постоянно, в том числе и в теории социальной работы, характеристике ее важнейших

моделей, сосуществующих сегодня в современном общественном сознании. Позитивизм имеет тенденцию овеществлять социальный мир (в духе высказывания Э. Дюркгейма о социальных фактах как вещах) и рассматривает это как естественный процесс. В то же время менее позитивистские определения таких общезначимых социологических понятий, как социальный факт, скорее, отсутствуют.

Сторонники же критического направления фокусируют внимание на человеческой деятельности, а также на способах, посредством которых эта деятельность воздействует на социальные структуры, то есть исследуют взаимодействие деятельности и социальных структур. Они считают, что позитивизм не учитывает роли действующих субъектов, превращая их в пассивных существ, побуждаемых «естественными силами». Поскольку социогуманитарные мыслители верили в самобытность и активность индивидов, теоретики-критики не могли принять идею, что общие законы науки однозначно применимы и к изучению человеческой деятельности [12]. В то же время разработка конструктивных средств выражения результатов альтернативных подходов необходима, поскольку согласование суждений различных сторон, оценка важности высказываемых по какому-либо поводам мнений нуждается в операционализации.

Эта дискуссия связана еще и с особенностями взаимодействия субъекта и объекта в теории социальной работы. В социально-экономических теориях объекта, отдельного от познающего субъекта, просто не может существовать. Любой социолог или экономист самой своей познавательной активностью вмешивается в изучаемые процессы и «деформирует поле», несмотря на собственные призывы «поле не портить». Но любые социальные нормы, оценки или «ценности» не могут существовать вне восприятия людей и общества. Любые социальные события уникальны, как и люди, то есть клиенты социальной работы, но изучать их мы можем лишь через некоторые абстракции. Каждый человек уникален, но допущение о наличии общего понимания каких-то ценностей делает возможным взаимопонимание. Абстрагирование переводит уникальное в разряд обобщенного, повторяющегося. Тогда такие общие ценности, как, например, «улучшение здоровья важнее роста уровня жизни» или «качество образования важнее его доступности» могут выступать основой понимания или непонимания друг друга. Неразделенные ценности лежат в основе многих коллизий социальной работы. Напри-

мер, важный профессиональный принцип «давать удочку, а не рыбу» противоречит декларации клиентов «не учите жить, лучше дайте денег (помогите материально)». Или иначе: «не наделяйте меня полномочиями, потому что вы перекладываете на меня свою работу».

Определения клиента в России «как человека в трудной жизненной ситуации» выявляет отличие истории социальной работы на Западе от российской. Дело в том, что традиционными клиентами были люди, потерявшие семью, то есть дети-сироты и одинокие старики. Само наличие семьи было важнейшим социозащитным фактором для каждого ее члена. Однако интервенции государства в семейную жизнь в СССР привели к тому, что сегодня семья и семейное благополучие находятся в центре социальной работы.

Крах советской пенсионной системы, связанный с отсутствием в ней персонифицированного учета заработков и отчислений, а также документов, их подтверждающих, на руках у каждого работника, привели к тому, что значительное число людей в начале 1990-х и по сей день не могут подтвердить свои пенсионные права. «Серая» занятость в последние десятилетия также наложила на уже существовавшие проблемы учета заработка и стажа. Однако Российское государство вместо систематической работы по «отбеливанию» заработков, контролю и принуждению работодателей к уплате социальных отчислений пошло на беспрецедентный шаг. Сегодня трудовая пенсия начисляется, если у работника подтверждено 5 лет стажа. И это на фоне повышения пенсионного возраста и требований для получения полной пенсии практически везде на Западе. Данное решение привело к крайне несправедливому по отношению к «работавшим и зарабатывавшим» выравниванию/снижению размера пенсии, с одной стороны, и легитимации возможности «немного поработать», чтобы получить пенсию, для маргиналов рынка труда – с другой. Следствием этого является значительное число пенсионеров среди клиентов социальных служб в России, в то время, как на Западе пенсионеры после 35 лет реального стажа и прочих радостей «развитого капитализма» вполне могут выбирать, продолжать им работать или заслуженно отдыхать, получая пенсию. При этом они пользуются многими социальными услугами, но на иных условиях, нежели у нас. Проблемой является увеличение числа пожилых, требующих ухода в самые последние годы жизни, поскольку это новая страховая ситуация, однако в ряде стран новый вид страхования – на уход в старости –

уже введен. Таким образом «клиент», конституирующий социальную работу в разных отношениях и направлениях, в России тоже весьма специфичен.

Обобщая перемены последних десятилетий, известный российский специалист З.Х. Саралиева отмечает: «С начала 90-х годов XX века в западных странах, а в последние годы и в России происходит смена парадигмы в социальной работе:

– пришло понимание, что социальную, социально-психологическую проблему клиента надо решать комплексно, а не исходя из принципа распределения задач между службами, часто подчиняющимися разным ведомствам;

– решать/или активно пытаться решить проблему, а не только ее выявлять, анализировать, то есть пройдя существенную часть пути, осознать проблемы/ситуации/кризисы, двигаться дальше и конструктивно;

– ориентироваться на социальное и жизненное пространство клиента – человека, испытывающего затруднения в общении с внешним миром, в преодолении кризисных ситуаций;

– отказаться от понимания клиента как объекта социальной работы, это категория устаревшего словаря. *Нельзя улучшить ситуацию человека, если он этого не хочет, этому сопротивляется или еще не умеет этого делать, изменения помогают тому, кто в них нуждается и к ним готов;*

– клиенты социальной работы – не обязательно бедны, больны, одиноки. Современный мир, стремительно меняясь, порождает целые слои не успевающих адаптироваться людей, нуждающихся в помощи извне» [13, с. 5–6].

С системной точки зрения, учитывающей, как нам кажется, своеобразие личности клиента, необходимо рассматривать отношения человека (клиента) и среды (разных типов социального окружения) как более симметричные, связанные с ответственностью клиента за получаемые общественные ресурсы, с его пониманием того, что именно ему необходимо, с развитием личности клиента в процессе получения помощи. Естественно, исторически данный тип взаимодействия не был обусловлен юридическим закреплением прав и обязанностей человека, которые равны для всех граждан любого современного государства, он развивался от ситуации полного подчинения человека государству/государю до современных, более партнерских отношений. Более того, в современном социальном государстве мы сталкиваемся с невиданным ранее ростом социальных требований и тем, что минимально

приемлемые уровни социальной обеспеченности, содержащиеся в этих требованиях, постоянно повышаются, но никогда не снижаются. Это говорит о том, что, развивая технологии обеспечения социальных прав человека, современное государство вовремя не озаботилось воспитанием социальной ответственности, что быстро привело к клиентизму, то есть забвению личных и социальных обязанностей слишком многими и нерассуждающей уверенности в своих правах, «ведь я этого достоин!» [14] С другой стороны, в российском обществе слабо выражена межпоколенная социально-профессиональная мобильность и социальное неравенство все еще носит сословный, трудно преодолимый характер.

Проследить изменение характера взаимодействия человека, общества и государства, нарушения симметрии в обмене правами и обязанностями при бесспорно имевшихся в истории многочисленных попытках решить проблемы нищенства, бродяжничества, преступности, бедности, сиротства и т.д. и является важной исследовательской задачей. Она, как представляется, позволит выстроить логику конструирования теории социальной работы, необходимую для ее понимания и дальнейшего развития.

Среда меняется слишком быстро...

Те процессы, которые происходили в России и ряде стран восточной Европы на рубеже 1980–90-х годов, П. Штомпка описывает как состояние «пост» и культурную травму [15]. И действительно, граждане неожиданно и все разом обнаружили непригодность усвоенных с детства норм социальных взаимодействий. Люди потеряли ориентацию в социальном пространстве. Как в рамках вульгаризированного марксизма («бытие определяет сознание»), так и в ставшем широко известным структурном функционализме индивиды рассматриваются как те, чья активность направлена на встраивание в социальные структуры, адаптацию к заданным извне условиям и требованиям социальной среды [16]. Поэтому и в рамках обществоведческого дискурса, и в повседневной жизни, и в СМИ много внимания уделялось не возможностям преодоления ситуации и встраивания новых моделей жизни, а обсуждению «безграмотных/безответственных действий реформаторов, невозможности адаптироваться и жить в новых условиях и т. п.» Здесь и возник быстрый рост спроса на социальную работу, которая легко встроилась в привычный российский «жалостливый гуманизм». Многие авторы отмечают, что в струк-

турах массовой идентичности россиян, в отношении к базовым институтам, в стратегиях жизненного поведения, в типах адаптации и других характеристиках, несмотря на прошедшие двадцать лет изменений, во многом воспроизводится все тот же тип личности, ориентированный на внешнюю, экстернальную локализацию ответственности за себя, свою жизнь, свою работу.

Это в том числе связано и с тем, что люди не могут исключить тоталитарное или авторитарное прошлое из своего жизненного опыта в той же мере, как и жить в настоящем, отвергая его, поскольку они остались «на свободе» без привычных социальных гарантий. Однако адекватной переработки прошлого опыта в общественном сознании не произошло, осознание степени ответственности каждого гражданина за прожитую и проживаемую жизнь не было рационализировано, в результате массы людей оказались «исключенными» из своего прошлого или настоящего. О необходимости «незамалчивания» социального прошлого убедительно говорит известный специалист по социальной работе из Словении Д. Завиржек (также имеющая такой личный опыт вследствие общей социальной судьбы жителей всех постсоциалистических стран). Работа с памятью, по ее мнению, возвращает (включает) людей в их прошлое и настоящее. Необходимо предать гласности события (истории), «о которых нельзя говорить». Замалчивание каких-то событий, исключение из отрефлексированного опыта превращает людей в существ без собственной идентичности и коллективной истории. Главное, что без обсуждения сложных проблем взаимозависимостей людей и общества (истории) люди никогда не помнеют и не повзрослеют, поскольку преимущества и поражения последних двадцати лет связаны с одними и теми же процессами и событиями. А социальные работники не откажутся от опекающих стратегий и не научатся пользоваться мотивирующим и активизирующим инструментарием.

Но некоторые люди меняют свою привычное поведение, начинают жить по-новому и в случае драматических изменений условий своей жизни находят нестандартные решения, изменяют линию своей биографии, формируют иную идентичность.

Речь идет об обычных, простых людях, которые находят силы для расширения возможностей собственного выбора, хотя как раз свобода выбора и ответственность за него и подвергаются в современном мире наибольшим испытаниям: «Только преодолевая себя, пост-

янно пересматривая старое и создавая новое, человек может выжить в современном мире, выдерживая бешеную скорость его изменений. У человека возникает чувство потерянности, никому ненужности, одиночества... Люди ломаются, не выдержав темпов гонки... Сегодня можно говорить не только об ориентационном кризисе общества в целом, но и об ориентационном кризисе, переживаемом отдельным человеком» [17, с. 11]. Поэтому если бы значительное число людей обладало качествами «базовой личности», то в русле социальной работы мы бы имели дело не с отношением «объект-субъект», а с отношением «субъект-субъект». Однако многие люди теряют желание отвечать за себя, как только их конформная/конформистская позиция оказывается «повышей» в ситуации общественной аномии. Но без их собственной мотивации, без согласия и, более того, желания индивида, семьи, группы никакая помощь социального работника, никакое восстановление связей и взаимодействий со средой, изменение жизненной ситуации невозможны. Это обстоятельство справедливо подчеркивается в различных публикациях. Даже если человек не становится клиентом социальной службы, он реагирует на трудности не активной адаптацией и поисками ресурсов для нее, а консерватизмом и озабоченностью стабильностью общества, то есть внешней, причем далекой, среды. Известная апелляция к «золотому веку» и «мудрым вождям» повторяется на каждом витке истории...

В России идет деградация условий наемного труда, в результате чего за последние 15–20 лет занятость и трудовые доходы все больше обесцениваются в глазах российского населения. Зато из-за реально низкого уровня жизни и низкой заработной платы на многих рабочих местах растет число постоянных клиентов социальных служб. Очевидно, что за последние двадцать лет новая трудовая этика жизненных достижений еще не сформировалась. Напротив, очевидно, что либо личное обогащение, либо формирование клиентального статуса опережают трудовую мотивацию и делают ее нелепой. Специфика мотиваций населения, характер расселения в стране и непоследовательная реакция государства на реальные сложности получения оплачиваемой занятости, вряд ли способствуют формированию трудовой мотивации. Население в значительной массе предпочитает гарантии возможностям и уже воспроизвело одно поколение, выросшее в новых условиях, но приверженное этим советским, по сути, нормам. А в сегодняшних условиях к населению предъявля-

ется требование сменить стиль жизни и стиль занятости, самостоятельно определить свои желания и возможности и самостоятельно найти ресурсы для их реализации, поскольку время гарантированной государством занятости ушло в прошлое.

В то же время быстрое развитие социальной работы стало возможным, поскольку, чтобы ни происходило в стране, число клиентов росло. Сама социальная работа институционально развивалась не только благодаря финансовой поддержке государства, но и потому, что удачно включилась в ожидания общества заботы и покровительства. Поэтому у нас в стране социальная работа поддерживает клиентов на индивидуальном уровне, но носит разрушительный характер по отношению к обществу и естественным механизмам солидарности и уж тем более не способствует активизации клиентов и интеграции общества. Современные авторы подчеркивают, что социальная работа призвана смягчать «врожденные пороки» капитализма и рыночной экономики (которые принято называть «провалами» государства или рынка), уменьшать цену, которую индивиды, семьи, группы и сообщества должны платить за успехи капитализма, но в России пока это получается плохо.

Как показывает опыт и развитых стран мира, современный социальный мир находится в весьма хрупком и временном равновесии. При синергетическом рассмотрении подобная ситуация может оцениваться как положительный, творческий, созидательный фактор развития. Напротив, достижение равновесия для любого социума означает отсутствие возможности образования новых социальных и экономических структур, воспринимается как процесс, предшествующей стагнации или даже вырождению, умиранию. Россия – общество с фрагментированной социальной структурой, где постоянно генерируется нечто новое, но центробежные силы не дают обществу обрести свое «осевое время». Поэтому в работах многих авторов благополучие сводится к стабильности, которая, собственно говоря, и была препятствием для развития самих людей в послесталинский спокойный период советского времени. Однако тот уровень нестабильности, который мы наблюдаем сейчас, явно превышает адаптационные возможности российского социума и снова возвращает его на путь поисков порядка и стабильности, а не благополучия и развития. И вместо занятости и самоорганизации основным адаптационным механизмом становится социальная работа.

Список литературы

1. Валлерстайн И. Система знания тоже оказалась в кризисе. Интервью // Экономическая социология. Т. 10. № 5. Ноябрь 2009. С. 9–14. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ecsoc.hse.ru.
2. Пэнто Л. Государство и социальные науки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 2. Т. 7 № 2. С. 99–114.
3. Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Практикс, 2005. 256 с.
4. Хилгартнер С., Боск Ч. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия / Пер. с англ., сост. И.Г. Ясавеев. Казань. Изд-во Казанского ун-та, 2000. 222 с.
5. Пейн М. Социальная работа. Современная теория. Пер. с англ. 2007. 400 с.
6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 119–154.
7. Rossner, L. Theorie der Sozialarbeit. Ein Entwurt. Hunchen, 1973.
8. Луман Н. Формы помощи в процессе изменения общественных условий / Пер. Д.В. Озирченко, А.Н. Малинкина // Социологический журнал. 2001. № 1/2. С. 16–35.
9. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма. Теоретическая социология: Антропология В 2 ч. / пер. с англ., франц., нем., ит. М.: Книжный дом «Университет», 2002. 424 с.
10. Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Российское неозакратическое общество и его стратификация // СОЦИС. 2008. № 11. С. 40–50.
11. Сизова И.Л. Ищущие работу: новые биографии и риски на рынке труда в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 5. Спец. вып.
12. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
13. Саралиева З.Х. Система социальной работы. Монография. Н. Новгород.: НИСОЦ, 2008. С. 315.
14. Renevey B. Social protection in Western Europe as expression of civilizational characteristics: from industrial risk societies to “because I’m worth it” societies/Civilisation Dynamics of Contemporary Societies. Program and Abstracts. International Conference. St. Petersburg, Russia. 2011.
15. Штомпка П. Социальное изменение как травма // СОЦИС. 2001. № 1. С. 6–16.
16. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // СОЦИС. 2001. № 2. С. 3–12.
17. Giddens A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity press 1991.
18. Гончаров А.И., Рузанова В.И. Актуальные проблемы теории социальной работы. Красноярск, 2005. 122 с.

BECOMING SOCIAL WORK AND ITS FUNCTIONS IN MODERN RUSSIA*I.A. Grigoryeva*

Social work in Russia is becoming near twenty years. The number of its clients increases constantly. Social services are necessary for the vulnerable groups of the people. But the western experience and theoretical approaches are often inadequate in Russia. The question of this article is that social work is more functional at level of the individual client, not at society level.

Keywords: Theory of social work, socialization, clients, interactions between person and government, cultural trauma.